

Трофимова И.Н.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ: УРОВНИ, МОДЕЛИ И СТРУКТУРЫ ВЛИЯНИЯ

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы влияния территориального сообщества на социальное развитие молодежи. Территориальное сообщество рассматривается как социально-институциональная среда, специфика которой определяется ее структурой, содержанием, внутренними и внешними интеракциями. Особое внимание уделено проблеме социально-территориального неравенства как фактора социального неблагополучия молодежи, негативной социализации и распространения в ее среде девиантных форм поведения. В качестве основной причины социального неблагополучия молодежи рассматривается снижение социально-институционального потенциала территориальных сообществ, что в первую очередь, характерно для низкоресурсных территорий. Анализ проблемы учитывает основные положения теории влияния местного сообщества и теории социальной дезорганизации, позволяющих концептуализировать роль территориального сообщества как критического элемента в воспроизводстве социального неблагополучия молодежи. Сделан вывод, что развитие молодежи обусловлено особенностями окружающей социально-институциональной среды, поэтому составной частью работы с молодежью должны стать мероприятия – как повседневные, так и проектные – по развитию социальной сплоченности территориальных сообществ. Понимание и решение молодежных проблем сквозь призму социально-территориального неравенства является одним из важнейших критериев определения приоритетов социальной политики и планирования программ предоставления социальных услуг.

Review: The article is devoted to the problem of influence of a territorial community on the social development of youth. Territorial communities are viewed as the social institutional environment which specifics are defined by the structure, content of the environment and internal and external interactions. Special attention is paid to the problem of the social and territorial inequality as the factor of social disadvantages of youth, negative socialization and distribution of deviant forms of behavior in their environment. As the main reason of social inequality of youth, the author views the reduction of the social institutional capacities of territorial communities which is typical for low-resource territories. Analyzing the problem, the author of the article takes into account the main provisions of the theory of influence of the local community and the theory of social disorganization. These theories allow to conceptualize the role of the territorial community as the critical element in creation of social disadvantages of youth. The author concludes that the development of the youth is dependent on peculiarities of the surrounding social and institutional environment and therefore the main element of work with the youth should be arrangement of both everyday and planned activities on development of the social cohesion of territorial communities. One of the most important conditions for defining the priorities of social policy and planning social service programs should be the solution of the problems of youth from the point of view of their social and territorial inequality.

Ключевые слова: Девиантное поведение, Социальное неравенство, Территориальное неравенство, Социально-институциональная среда, Социальное развитие, Молодежь, Территориальные сообщества, Социальное благополучие, Низкоресурсные территории, Работа с молодежью.

Keywords: deviant behavior, social inequality, territorial disparity, social institutional environment, social development, youth, territorial communities, social disadvantages, low-resource territories, work with youth.

Политика и общество 3 (111) • 2014

Территориальные сообщества играют важную роль в обеспечении социально-политической стабильности, развитии межрегиональных экономических связей, предупреждении пространственной дезинтеграции. Традиционный подход к изучению территориального сообщества как целостной, устойчивой совокупности людей, объединенных социальными связями, возникающими по поводу определенных условий жизнедеятельности на территории проживания, в настоящее время претерпевает существенные изменения. Следствием глобализации стало беспрецедентное усложнение социальной жизни, ослабление традиционных институтов и ценностей. Вызовом для российского социума стали также последствия радикальных социально-политических преобразований: нарушение пространственных связей, углубление территориального неравенства, локализация бедности и социального неблагополучия. Одновременно протекающие процессы универсализации и автономизации социальной жизни обусловили развитие территориальных сообществ как социальных топосов различного уровня сложности, локализации, ценностной ориентации, самоидентификации и способов коммуникации, степени эффективности функционирования.

Успешное функционирование и развитие территориальных сообществ зависит от их способности адаптироваться к изменяющимся условиям, включая способность формулировать адекватные вызовам времени цели и задачи своей жизнедеятельности. При этом не может быть универсальных подходов для территориальных сообществ разного типа, с различным социально-экономическим и политико-административным статусом. Данное положение особенно актуально в условиях нашей страны в силу чрезвычайного разнообразия форм и способов организации местной жизни, а также последствий радикальных социально-политических преобразований, приведших к ценностному расколу общества, росту социального и территориального неравенства. Территориальное неравенство фактически стало причиной того, что жизненные перспективы людей сегодня во многом определяются местом их проживания и теми возможностями, которые существуют на данной территории для развития человеческого потенциала. Так, в 2013 г. лишь в 10 российских регионах индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) превышал средний по стране уровень (0,843): Москва, Санкт-Петербург, Тюменская, Сахалинская, Белгородская и Томская области, республи-

ки Татарстан, Коми, Саха (Якутия) и Красноярский край¹. Немногим более 20% населения России живет в относительно благополучных регионах (в т.ч. 8% в Москве), около 10% – в регионах-аутсайдерах, а более 2/3 – в регионах со средним уровнем человеческого развития. Но и в самих регионах отмечается существенный разрыв в уровне и качестве жизни жителей отдельных поселений, например, между региональными столицами и малонаселенными удаленными районами. Даже в более плотно заселенной европейской части масштабы экономической отсталости составляет более 40% территории, что является существенным тормозом для модернизации периферии².

Наибольшую тревогу вызывает локальная концентрация безработицы, бедности и преступности молодежи. Массовая концентрация молодых безработных людей создает очевидную угрозу общественному порядку и безопасности. Иллюстрацией тому могут быть не только молодежные бунты в Тоттенхэме в августе 2011 г. или беспорядки в пригородах Парижа в 2005 г., но и события в нашей стране. И хотя территориальное неблагополучие редко рассматривается как причина молодежных проблем, тем не менее, именно депрессивные регионы и муниципалитеты создают наибольшие структурные ограничения, которые имеют негативное влияние не только на уровень жизни молодых людей, качество их образования, досуга и работы, но и долгосрочные жизненные шансы. На индивидуальном уровне молодые люди могут испытывать оптимизм, веру в себя и свои возможности, но местные условия жизни и труда, региональная и муниципальная политика создают особый – «бедный» – тип молодежного транзита, при котором противоречия между индивидуальным представлением о своих жизненных перспективах и объективными возможностями существенно обостряются.

Очевидно, что распад социальных связей, структуры ценностей и идентичностей, сворачивание хозяйственной жизни ведут территориальное сообщество к деградации, которое в свою очередь становится негативным фактором в развитии человеческого капитала,

¹ См.: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2013. «Устойчивое развитие: вызовы Рио» / под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 220 с.

² *Зубаревич Н.* Модернизация и российское пространство // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А.А. Аузана и М.Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. – 146 с. С. 130-141.

Социальные исследования и мониторинг

в первую очередь, молодежи. Более того, дисфункциональное территориальное сообщество является средой социального неблагополучия, возникновения и распространения девиантных форм поведения. Соответственно проблема эффективности детской или молодежной политики не может быть рассмотрена вне рамок проблематики социально-территориального неравенства. Рациональное инвестирование в развитие человеческого капитала детей и молодежи зависит не только от централизованного перераспределения ресурсов и финансирования отдельных программ, но также от способности территориального сообщества их «переработать», трансформировать в более эффективные модели экономического и социального поведения. Речь идет о социальных проектах и программах не как о продуктах конечного потребления, результаты которых в дальнейшем не используются, а как о форме производства и воспроизводства человеческого и социального капитала.

Влияние территориального сообщества на развитие молодежи обусловлено, прежде всего, целостностью, системностью и устойчивостью функционирующих в нем социальных взаимосвязей. Территориальное сообщество является сложной саморазвивающейся системой и одним из главных его системообразующих признаков являются устойчивые экономические, социальные, политические культурные и духовно-идеологические связи и отношения. Прежде всего, сообщество связывает людей, проживающих в рамках определенного географического пространства. Во-вторых, сообщество характеризуется определенным качеством отношений между людьми – членами сообщества, объединенных общей культурой и общими ценностями. В-третьих, сообщество предполагает определенный уровень устойчивого социального взаимодействия, выражаемого в отношениях взаимной поддержки, взаимопомощи, взаимопонимания, взаимного доверия, являющихся непременным условием способности к объединению с целью влияния на различные аспекты местного социального порядка. Между членами территориального сообщества формируются отношения взаимодействия по различным вопросам социальной жизни, начиная от простых интеракций соседского характера и заканчивая активным участием в управлении территорией. Таким образом, территориальное сообщество представляет собой совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории и осуществляющих совместную деятельность

для удовлетворения своих экономических, политических, культурных, социальных и иных потребностей.

О новом измерении территориальных сообществ стали говорить с середины 1960-х гг., когда исследователи обратили внимание на появление крупных суб-популяций, состоящих из низкодоходных семей и индивидов, чье поведение резко контрастировало с поведением большей части населения. Именно во второй половине XX в. обострились проблемы локальной безработицы, наркомании, подростковой преступности, семейной бедности. Тема влияния местного сообщества на развитие подрастающего поколения стала особенно актуальной с конца 1980-х гг., во многом благодаря работе У. Уилсона³, в которой автор пришел к выводу, что социальные практики жителей бедных местных сообществ не могут быть поняты вне зависимости от макросоциальных и макроэкономических факторов. Тезис У. Уилсона о негативном влиянии экономического застоя и распада социальных связей способствовал возврату темы бедности местных сообществ в повестку дня социальных исследований. Возобновление интереса к проблеме бедности способствовало определению роли местного сообщества как критического элемента в воспроизводстве социального неблагополучия – причем не только в теоретическом плане, но и на уровне разработки государственной политики в решении проблем социального неравенства. Таким образом, понимание неравного положения детей и молодежи сквозь призму благополучия/неблагополучия местных сообществ – по сути дискриминации в связи с местом жительства – становится одним из важнейших критериев определения приоритетов социальной политики и планирования программ предоставления социальных услуг.

Территориальное сообщество не является аморфным образованием – структура, содержание, внутренние и внешние интеракции определяют его специфику. Влияние территориального сообщества на подрастающее поколение опосредовано взаимодействием ближнего, среднего и дальнего уровней окружающей социальной среды. Ближнее окружение (микросреда) оказывает непосредственное влияние на молодого человека; его значение особенно велико в раннем возрасте. Речь идет о семье и ближних родственниках, обеспечивающих всестороннее развитие, эмоциональ-

³ См.: *Wilson W.J.* The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy. Chicago: The University of Chicago, 1987. – 320 p.

Политика и общество 3 (111) • 2014

ную и психологическую поддержку. Мезосреда – это более широкий круг родственников, друзей, одноклассников, знакомых, соседей, отношения с которыми также оказывают влияние на развитие ребенка. На этом уровне субъективные впечатления и эмоции ребенка взаимодействуют с впечатлениями, эмоциями других людей, происходит постепенная адаптация к взаимодействию с окружающим миром. Наконец, макросреда представляет более формальное, институциональное окружение, куда входят, муниципалитет, школа, органы здравоохранения, социальной защиты, внутренних дел, общение с которыми требует подчинения установленным нормам, умения взаимодействовать в рамках общепринятых правил. Все три уровня одинаково важны для развития детей и молодежи, образуя специфическое социальное пространство, функционирующее как местное сообщество. Местное сообщество объединяет все три уровня взаимодействия с социальной средой. Дети взаимодействуют с местным сообществом, по мере взросления участвуют в деятельности местных институтов, получают социальные, медицинские и образовательные услуги, в результате чего у них формируется чувство принадлежности местному сообществу, видение своих возможностей, знание того, что они могут ожидать от общества и что общество может ожидать от них.

Для каждого уровня характерно специфическое влияние окружающей среды. К. Дженкс и П. Майер выделяют три модели влияния местных сообществ: нормативную, коллективную и институциональную⁴. Нормативная модель характерна для закрытых территориальных сообществ. Жители ограниченного пространства скорее будут иметь одинаковые взгляды, убеждения, модели поведения и способы ведения дел. В основе этой модели лежат нормативно-пространственные факторы, которые формируют специфические территории со своими, как правило, персонифицированными, нормами и порядками. Для модели коллективной социализации существенную роль играют уже не только нормы и порядки, отождествляемые с отдельными значимыми взрослыми, например, родителями, но также коллективные ценности. При этом социально утвержденная модель поведения воспроизводится посредством образцов для подражания и системы социального контроля, которые сдерживают распространение отклоняющихся

форм поведения. Данная аргументация имеет традицию, прежде всего, в криминологических исследованиях. Наличие институциональных ресурсов в виде муниципальных учреждений, местных общественных организаций характеризует третью модель влияния сообщества. Институциональная модель воспроизводится в процессе разнообразных социальных интеракций, содержанием которых является усвоение общественных норм и правил.

Выделение данных моделей влияния видится перспективным, прежде всего, с точки зрения возможности учитывать важные социально-институциональные характеристики территориального сообщества, включая степень его благополучия, открытости, интеграции, равенства. Все эти три модели предполагают, что развитие и поведение молодежи будет более позитивным под влиянием благополучных территориальных сообществ, где они будут иметь доступ к конформному общению со сверстниками, успешным моделям поведения взрослых и достаточные ресурсы. Предлагаемые К. Дженксом и П. Майером модели отражают также различие в степени открытости/закрытости местного сообщества, что связано со степенью доступности и разнообразия ресурсов и возможностями самореализации. Данные модели лучшим образом иллюстрируются случаем усыновления, когда ребенок из неблагополучной семьи попадает в благополучную семью, получая доступ к успешным моделям поведения и соответствующим ресурсам, или семья из неблагополучного района переезжает в более благополучный район. В рамках рассматриваемых моделей перспективным видится также тезис о влиянии институтов – доброжелательном вторжении (интрузии) в территориальное сообщество, позволяющим разграничивать позитивное и негативное влияние, акцентируя внимание на достижимости социально значимых результатов и нивелируя роль деструктивных факторов. Такой подход имеет потенциал не только для криминологических исследований, но и для социального проектирования на базе местных сообществ.

Данные модели имплицитно содержат проблему социальной инклюзии/эксклюзии, которая более явно лежит в основе четвертой модели. К. Дженкс и П. Майер предполагают, что близость зажиточного общества может иметь негативный эффект в виде создания будущих проблем для ребят из неблагополучной среды. Если дети чувствуют себя ущемленными и ограниченными в ресурсах по сравнению со своими ровесниками, то это может снизить их мотивацию к следованию

⁴ См.: Jencks C., Peterson P.E. The Urban Underclass. Washington, DC: Brookings Institution, 1991.

Социальные исследования и мониторинг

общепринятым социальным нормам. В свою очередь это может привести к созданию альтернативных культур, которые будут поддерживать девиантное поведение. Наконец, дети из бедных семей могут оказаться в сравнительно неблагоприятном положении, если они проживают в богатых территориальных сообществах, поскольку, оказавшись в меньшинстве, они могут быть подвергнуты отрицательной маркировке со стороны более богатых сверстников⁵.

В реальной жизни модели, описываемые Дженксом и Майером, не существуют отдельно и не являются альтернативой, скорее, они взаимно дополняют друг друга в понимании различных сторон процесса социализации. Кроме того, признавая факт влияния территориального сообщества на ребенка, тем не менее, нельзя исключать действия самих семей и детей, особенно по мере их взросления. Родители или другие значимые в жизни ребенка взрослые по-разному интерпретируют существующие территориальные местные различия, как возможности, так и ограничения, а также сами дети по-разному воспринимают окружающую их среду и тех, кто ее представляет. Теоретические ориентации в социологии, которые исследуют связи между самочувствием детей и молодежи и характеристиками окружающего их территориальных сообществ, в которых они растут, как правило, включают анализ всех этих механизмов.

Другой подход, но также связанный с выделенными Дженксом и Майером моделями, имеет отношение к теории социальной дезорганизации. Результаты эмпирических исследований показали, что проблемы территории проживания оказывают такое же, если не большее, влияние, чем индивидуальные особенности (возраст, пол, раса) в развитии подрастающего поколения. Вероятность того, что ребенок будет принимать участие в правонарушениях, в первую очередь, в уличной преступности, оказывается выше для районов с низким экономическим статусом, этнической неоднородностью, высокой миграцией населения. Эти условия способствуют социальной дезинтеграции сообщества, которая в свою очередь приводит к девиантному поведению его членов. Уровень социальной организации в обществе, или то, в какой сте-

пени жители способны реализовать общие цели и осуществлять социальный контроль, рассматривается как отражение и системы социальных отношений в территориальном сообществе, и системы ценностей. Таким образом, развитие молодежи неразрывно связано с особенностями пространственного контекста, в котором она находится.

Обобщая выше сказанное, можно сформулировать следующие факторы, определяющие специфику территориального сообщества, к ним относятся: инфраструктура, социально-демографический состав, институты и общественные организации. На уровне территориального сообщества инфраструктура обеспечивает физическую реальность, в котором происходит социальная жизнь и индивидуальное развитие. Физические характеристики могут также репрезентировать важные преимущества или ограничения в социальных отношениях. Особенно ярко это заметно в условиях сильной социально-территориальной дифференциации. Нередко местные сообщества имеют специфический имидж в общественном мнении и ярлыки, которые выражают отношение общества к его жителям. По сути, многие сегодняшние проблемы являются отражением отсутствия подлинной социально-экономической и культурной интеграции, что привело к фактической геттоизации части молодежи. Данная тенденция говорит о глубоких противоречиях современности и, прежде всего, между кажущейся открытостью, интеграцией и возможностями глобального общества и фактической ограниченностью, дезинтеграцией и отсутствием ресурсов на уровне локальных сообществ.

Динамика социально-демографического состава определяет степень гетерогенности территориального сообщества. Собственно усиление миграционных потоков на фоне глобальной трансформации экономических, социальных и политических связей привело к многократному усложнению диспозиции различных социальных и этнических групп и отношений между ними. С одной стороны, наблюдаются дробление национально-культурного пространства, диффузия гражданской, социальной и этнической идентичности, усложнение социально-групповой и национальной принадлежности, с другой, усиление социально-статусного и этнического факторов. Притом что социальные и политические эффекты данных процессов заметны, прежде всего, в глобальном масштабе или, как минимум, в масштабе страны, наибольшая их острота проявляется на ло-

⁵ Furstenberg F., Jr., Hughes M. The Influence of Neighborhoods of Children's development: A theoretical Perspective and A Research Agenda // Indicators of Children's Well-being. Ed. R.M. Hauser, B.V. Brown, W.R. Prosser. NY: Russel Sage Foundation, 1997. – P.346-371. – P.348.

кальном уровне, в процессе повседневной жизнедеятельности, в ходе межличностных отношений.

Что касается институтов местного сообщества, то они достаточно хорошо описаны в теории влияния местных сообществ⁶. Первый тип репрезентирует связь локального сообщества с более широкими социальными общностями, например, соседской коммуны с сообществами регионального или общегосударственного масштаба. Примером этого типа институциональных ресурсов являются полиция, службы социального обеспечения, поликлиники, школы, библиотеки, местные официальные должностные лица. Функциональное участие территориального сообщества в системе межуровневых отношений гарантирует доступ к более широким источникам ресурсов, но также предполагает определенные ограничения в виде соблюдения и подчинения нормам социально-территориальной общности вышестоящего уровня.

Другой тип представляет институты, возникшие «на месте», отражающие низовые общественные интересы и потребности. Особую роль играют местные общественные организации, прежде всего, в том, что касается производства социального капитала. Дж. Коулман выделяет три формы социального капитала: разделяемые нормы, взаимные обязательства и информационные каналы⁷. В известной степени каждое местное сообщество – это нормативное сообщество, репрезентирующее общие ценности, которые усиливаются посредством социального контроля. Сети взаимных обязательств и обмена в местном сообществе могут связывать детей с возможностями моделирования, обучения и получения спонсорской поддержки – это могут быть попечительские советы, фонды местных сообществ, фонды социальной поддержки, конкурсы и пр. Информационные каналы дают выбор среди этих возможностей, в том числе за пределами местного сообщества. Большинство определений местного сообщества подразумевают степень социальной сплоченности, которая является результатом совокупного

влияния институциональных и территориальных факторов, но также необходимо понимать, что местные сообщества существенно различаются по уровню своей социальной организации и интеграции.

Таким образом, инфраструктура, население, институты и общественные организации формируют специфический местный социальный капитал, что необходимо учитывать при повседневной (плановой) или проектной (экспериментальной) работе с молодежью по месту жительства. Так, пилотные проекты могут хорошо работать в эксперименте, т.е. в случае специально мобилизованных ресурсов и подготовленной среды, но в реальных условиях они не действуют. Особенно это заметно при реализации двусторонних или международных пилотных проектов, в основе которых лежат идеи и методики, разработанные и апробированные в других условиях. Например, такие критерии, как гендерный подход, межсекторальные партнерства, децентрализация, прозрачность и подотчетность, оценка результативности, заинтересованное участие и взаимопомощь участников самих целевых групп, являются приоритетными для международных проектов, но не в повседневной работе с молодежью в российских условиях. В целом, проекты, направленные на «социальную капитализацию» в российском обществе сталкиваются с большими трудностями. Между тем, не освоенный людьми и не встроенный в реальную жизнь социальный капитал расплывается и, в конечном счете, превращается в «отходы», соответственно и люди, его носители, становятся ненужными, интеллектуальными отходами⁸.

Возможности привлечения социального капитала зависят от уровня доверия общества государству. Правительства, успешно восстановившие доверие граждан и заинтересованных сторон, обычно не делают все сами, а привлекают для достижения результатов негосударственных акторов в лице общин и общинных организаций, традиционных институтов правосудия и социального контроля, местного частного сектора, НПО и НКО⁹. Данный подход, очевидно, противоречит тенденциям ограничения деятельности негосударственного сектора в современной России. Действительно, правительства часто бывают озабочены тем, что при-

⁶ *Furstenberg F., Jr., Hughes M.* The Influence of Neighborhoods of Children's development: A theoretical Perspective and A Research Agenda // *Indicators of Children's Well-being*. Ed. R.M. Hauser, B.V. Brown, W.R. Prosser. NY: Russel Sage Foundation, 1997. – P.346-371. – P.362.

⁷ *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Chicago: The University of Chicago, 1988. P. 95-120.

⁸ *Яницкий О.Н.* Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. С.194.

⁹ Доклад о мировом развитии. 2011. Конфликты, безопасность и развитие / Всемирный банк. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 412 с. – С.131.

Социальные исследования и мониторинг

влечение негосударственных структур или потенциала общин уменьшит их собственный кредит доверия и приведет к потере управляемости на национальном уровне. С другой стороны, данный отказ фактически означает, что общественный потенциал и потенциал территориальных сообществ дезактуализируется, что ведет к его деградации ввиду отсутствия возможностей для воспроизводства, адаптации и развития актуальных социальных практик. Данное противоречие снимается, если рассматривать области, где интересы общества и государства соразмерно взаимосвязаны, а не зависят от подавления одного другим. Необходимо рассматривать общественные структуры не как механизм противодействия государственным институтам, а как механизм повышения доверия к способности государства откликаться на нужды граждан, порой, мелкие и локальные. Таким образом, программы, связанные с привлечением социального капитала к решению социально значимых задач, могут улучшить отношения между государством и местными сообществами, повысить уровень социального и институционального доверия граждан.

Особенно важной видится реализация подобных программ в тех территориальных сообществах, где влияние государства было ограничено по различным причинам: контроль криминальных группировок, коррумпированное чиновничество, авторитарная местная власть, хозяйничанье транснациональных корпораций. Важность привлечения и развития социального капитала местных сообществ видится, прежде всего, в поддержании и улучшении социальных отношений, воссоздании социальной сплоченности, уменьшении социальной эксклюзии маргинализированных групп. Доказано, например, что эффективность мероприятий по социально-психологической поддержке, направленных на улучшение психического здоровья и благополучия групп населения, поддержанных риску, повышается, если в них вовлечены местные сообщества¹⁰. Таким образом, социальные и институциональные факторы в жизни местных сообществ тесно взаимосвязаны.

Есть еще один важный уровень измерения. Существует мнение, что эмпирические исследования не дают однозначных результатов о влиянии сообщества

на развитие ребенка и индивидуальные успехи¹¹. Несмотря на интенсивный интерес к изучению влияния местного сообщества, Дженкс и Майер делают вывод, что количественные исследования не показывают строгую зависимость между комьюнити и развитием ребенка и индивидуальными успехами. Поэтому необходимо принимать во внимание и другие факторы – от политического контекста до социокультурных особенностей территорий. Очень часто специфика местной жизни обусловлена не только сложившимися естественным образом условиями, но также проводимой государством политикой. Особенно под вопросом это соотношение стоит в России, где местное сообщество всегда было зависимо от государственной власти. Хотя влияние местного сообщества на развитие молодежи, безусловно, существует, но само качество социальных взаимодействий опосредовано, в том числе, доминирующими в массовом сознании представлениями о смысле и целях тех или иных социальных действий. В этом плане, для российского обывателя молодежь группы риска воспринимается скорее как угроза для общества, нежели как жертва социального неблагополучия. В советское время даже сложился термин «трудный подросток», т.е. подросток, с которым тяжело справиться, который не поддается воспитанию.

Роль территориального сообщества в процессе социализации подрастающего поколения трудно переоценить, поэтому любые социальные преобразования и новации необходимо рассматривать сквозь призму имеющихся у местных социумов возможностей. Территориально ориентированные проекты, на наш взгляд, также призваны разнообразить социальное пространство и социальную структуру, социальную практику, в которой живут и развиваются дети, добавить к усилиям семей и государственной политике также разнообразный потенциал общества, увеличить число и разнообразить состав субъектов социальной политики и работы с детьми. Это даст возможность увеличить число случаев оказания помощи детям и семьям с детьми не только со стороны государственных учреждений, но и со стороны общества и местного сообщества, со стороны подобных себе. Территориально ориентированные проекты по-

¹⁰ Доклад о мировом развитии. 2011. Конфликты, безопасность и развитие / Всемирный банк. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 412 с. – С.132.

¹¹ Furstenberg F., Jr., Hughes M. The Influence of Neighborhoods of Children's development: A theoretical Perspective and A Research Agenda // Indicators of Children's Well-being. Ed. R.M. Hauser, B.V. Brown, W.R. Prosser. NY: Russel Sage Foundation, 1997. – P.346-371. – P.353.

Политика и общество 3 (111) • 2014

могают не только целевой группе, но также способствуют повышению качества социальных взаимодействий в местном сообществе.

Библиография:

1. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2013. «Устойчивое развитие: вызовы Рио» / под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 220 с.
2. Зубаревич Н. Модернизация и российское пространство // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А.А. Аузана и М.Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. С. 130-141.
3. Wilson W.J. The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy. Chicago: The University of Chicago, 1987. – 320 p.
4. Jencks C., Peterson P.E. The Urban. Underclass. Washington, DC: Brookings Institution, 1991. – 490 p.
5. Furstenberg F., Jr., Hughes M. The Influence of Neighborhoods of Children's development: A theoretical Perspective and A Research Agenda // Indicators of Children's Well-being. Ed. R.M. Hauser, B.V. Brown, W.R. Prosser. NY: Russel Sage Foundation, 1997. – P.346-371.
6. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Chicago: The University of Chicago, 1988. P. 95-120.
7. Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. – 360 с.
8. Доклад о мировом развитии. 2011. Конфликты, безопасность и развитие / Всемирный банк. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 412 с.
9. Попов Е.А. Региональная специфика совершенствования человеческого потенциала и социального благополучия населения // NB: Проблемы общества и политики. – 2012. – 2. – С. 118-164. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_234.html
10. Сергеев Д.Б. Элементы структуры (организационной системы) муниципального образования. // Административное и муниципальное право.- 2010.-11.-С. 28-33.
11. Трофимова И.Н. Молодежь и социальное неравенство в современной России // Политика и Общество. – 2013. – 12. – С. 1452-1457. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10318.
12. А.С. Сафонова. Политическое сознание молодежи в выборном процессе (на примере г. Санкт-Петербурга). // Политика и Общество. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
13. А. И. Бучкова. Специфика влияния Интернета на политическую социализацию молодежи в современной России. // Национальная безопасность / nota bene. – 2012. – № 4. – С. 132-141.
14. Б.Б. Нимаева. Молодежь Аги – репертуар идентичностей в современном социокультурном контексте. // Политика и Общество. – 2011. – № 9. – С. 75-81.
15. З.Ч. Махмудов. Основные направления и формы деятельности современных молодежных объединений. // Политика и Общество. – 2008. – № 3.
16. Цукаленко М.А.. Неформальные молодежные объединения сегодня (постановка проблемы). // Политика и Общество. – 2013. – № 8. – С. 976-980. DOI: .10.7256/1812-8696.2013.8.7717
17. Б.Ф. Усманов. Механизмы интеграции российской молодежи в процесс политической модернизации. // Политика и Общество. – 2012. – № 12. – С. 24-29.
18. А.И. Киричек. Формы политического участия и политической активности в современной российской молодежной среде. // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 75-84. DOI: .10.7256/1811-9018.2013.01.1

References (transliteration):

1. Zubarevich N. Modernizatsiya i rossiiskoe prostranstvo // Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2011 g. / pod red. A.A. Auzana i M.N. Bobyleva. M.: PROON v RF, 2011. S. 130-141.
2. Wilson W.J. The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy. Chicago: The University of Chicago, 1987. – 320 p.
3. Jencks C., Peterson P.E. The Urban. Underclass. Washington, DC: Brookings Institution, 1991. – 490 p.
4. Furstenberg F., Jr., Hughes M. The Influence of Neighborhoods of Children's development: A theoretical Perspective and A Research Agenda // Indi-

Социальные исследования и мониторинг

- cators of Children's Well-being. Ed. R.M. Hauser, B.V. Brown, W.R. Prosser. NY: Russel Sage Foundation, 1997. – P.346-371.
5. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. Vol. 94. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Chicago: The University of Chicago, 1988. P. 95-120.
 6. Yanitskii O.N. Sotsial'nye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektiva. M.: Novyi khronograf, 2013. – 360 с.
 7. Popov E.A. Regional'naya spetsifika sovershenstvovaniya chelovecheskogo potentsiala i sotsial'nogo blagopoluchiya naseleniya // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2012. – 2. – С. 118-164. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_234.html
 8. Sergeev D.B. Elementy struktury (organizatsionnoi sistemy) munitsipal'nogo obrazovaniya. // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. – 2010. – 11. – С. 28-33.
 9. Trofimova I.N. Molodezh' i sotsial'noe neravenstvo v sovremennoi Rossii // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – 12. – С. 1452-1457. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10318.
 10. A.S. Cafonova. Politicheskoe soznanie molodezhi v vybornom protsesse (na primere g. Sankt-Peterburga). // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
 11. A. I. Buchkova. Spetsifika vliyaniya Interneta na politicheskuyu sotsializatsiyu molodezhi v sovremennoi Rossii. // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2012. – № 4. – С. 132-141.
 12. B.B. Nimaeva. Molodezh' Agi – repertuar identichnostei v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste. // *Politika i Obshchestvo*. – 2011. – № 9. – С. 75-81.
 13. Z.Ch. Makhmudov. Osnovnye napravleniya i formy deyatel'nosti sovremennykh molodezhnykh ob'edinenii. // *Politika i Obshchestvo*. – 2008. – № 3.
 14. Tsukalenko M.A.. Neformal'nye molodezhnye ob'edineniya segodnya (postanovka problemy). // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – № 8. – С. 976-980. DOI: .10.7256/1812-8696.2013.8.7717
 15. B.F. Usmanov. Mekhanizmy integratsii rossiiskoi molodezhi v protsess politicheskoi modernizatsii. // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 12. – С. 24-29.
 16. A.I. Kirichek. Formy politicheskogo uchastiya i politicheskoi aktivnosti v sovremennoi rossiiskoi molodezhnoi srede. // *Pravo i politika*. – 2013. – № 1. – С. 75-84. DOI: .10.7256/1811-9018.2013.01.1